

**СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
КАК ИНСТРУМЕНТ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ
(НА ПРИМЕРЕ ВОСПОМИНАНИЙ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ)***

© 2002 г. Т. П. Емельянова

*Канд. психол. наук, доцент, зав. кафедрой социальной психологии,
декан факультета психологии Тверского государственного университета, Тверь*

Анализируются традиции изучения феномена коллективной памяти, рассматривается возможность его исследования через социальное представление. Обсуждаются результаты исследования социальных представлений о событиях Великой Отечественной войны, проводившегося в двух планах: кросскультурном (на выборках российских и французских респондентов) и в ходе сравнения поколений (участники войны и студенты). Сравнительный анализ содержания социальных представлений в избранных группах позволяет выявлять обыденные интерпретации исторических событий Второй мировой войны.

Ключевые слова: коллективная память, социальные представления, культурные трансформации, кросскультурные сравнения, социальное конструирование, обыденные интерпретации.

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ (СП)
И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ**

В социально-психологической литературе последних лет, посвященной исследованиям повседневных форм коллективных воспоминаний о событиях истории, вновь появилось понятие “коллективная память”, введенное Хальбваксом [8]. Была проделана большая работа по исследованию параметров и закономерностей феномена коллективной памяти (см. [15]). Авторы выявили ряд свойств коллективной памяти: поддержание групповой идентичности средствами “позитивного отклонения” в реконструкции событий в пользу своей группы; коупинг (поведение преодоления) в случае травмирующих группу воспоминаний; цикличность в актуализации “следов” памяти; преимущественное запечатление эпохальных, поворотных событий истории; более глубокое запечатление событий прошлого при активных попытках “стереть” их из памяти. Можно также выявить некоторые механизмы, формирующие содержание коллективной памяти: межличностное взаимодействие, масс-медиа, произведения искусства, в том числе памятники – монументы, мемориалы.

*Выражаю глубокую признательность Дому наук о человеке (MSH), Международному центру стажеров и студентов (CIES) и лично профессору Сержу Московичи, любезно предоставившим мне возможность стажировки в Париже, в ходе которых была собрана французская часть данных этого исследования.

Между тем этот феномен, вначале казавшийся психологической основой традиции, “цементом”, скрепляющим менталитет общества, по полученным специалистами результатам оказывается по многим положениям весьма вариативной субстанцией. В исследованиях коллективная память предстает как воспоминания, “забытые” события, празднования великих событий и ознаменование – печальных и травмирующих. Она иногда выступает памятью общества, чаще – памятью группы: возрастной, гендерной, расовой, политической, религиозной и т.п. Такая вариативность создает ощущение некоторой зыбкости, неопределенности самого феномена, что, в свою очередь, затрудняет его строгую операционализацию.

Если обратиться к наследию первопроходцев в этой области, в их работах можно обнаружить терминологию, которая обозначает феномены, называемые “памятью”, но по содержанию скорее относящиеся к социальному мышлению. Так, Хальбвакс [8, 9], выделяя коллективную память как особый вид памяти, рассматривал ее именно как историческую память группы, дающую ориентиры индивидуальному сознанию. При этом он использовал понятия “коллективные воспоминания”, “коллективная история”, “образы прошлого”, которые в содержательном смысле несут нагрузку знаний, представлений о прошлом.

У Бартлетта [5] мы находим понятие “схема” как активная организация прошлых реакций или прошлого опыта, способствующая сохранению культуры и дающая возможность трансформа-

ции. Подобные схемы по своей сути – реконструкция прошлого. Основные процессы такой работы по Бартлетту: выравнивание, акцентуация, ассимиляция и конвенционализация, т.е. реконструирующая когнитивная работа с понятиями, образами. Последующая традиция оперирования категориями “схема” (Найссер, Румельхарт) развивает ее как систему представлений о предшествующем опыте.

Важной теоретической проблемой в этом смысле, на наш взгляд, является разведение ролей и содержания устной народной памяти и обыденного мышления, обращенного к историческим событиям. Соотношение памяти и знания в современной психологической литературе составляет особый предмет дискуссии. Из нее следует, что сейчас в психологии существуют две основные и противоположные тенденции: сведение памяти к знанию и наоборот, отражающие следующий психологический факт: память и знание тесно связаны в психической жизни как личности, так и социальной группы. Отсюда и постоянное смешение понятий, когда образы, представления, ассоциации, когниции в зависимости от содержания и целей исследования оказываются отнесенными к структурам то знания, то памяти. Такое дублирование затрудняет понимание феномена памяти и создает теоретическую путаницу, о которой говорит Жодлэ [10, с. 240].

Чтобы избежать смешения понятий, можно воспользоваться эвристической формулой Хальбвакса: “...одни и те же представления кажутся нам то воспоминаниями, то понятиями или обобщенными идеями” [8, с. 289]. Действительно, его утверждение об идентичности элементов памяти и социального мышления заставляет думать о том, что и в исследованиях нет смысла разделять психические факты памяти и знания и “раскалывать” изначально существующее единство психической субстанции. Изучая социальные представления о прошлом как обыденное знание об истории, можно понять, почему коллективные воспоминания актуализируются по-разному в различных социальных группах, поддерживая их положительный образ, почему в разных исторических условиях одни и те же события вспоминаются неодинаково, помогая справляться с кризисами и конфликтами.

Здесь коллективная память может быть понята как процесс либо актуализации СП о прошлом, либо их конструирования, трансформации или забывания. Объектом изучения во всех рассматриваемых случаях может быть социальная логика этих процессов, т.е. их связь с актуальной жизнью группы, ее потребностью в защите, социальной идентичности, в переживании возникающих на этой почве эмоций. Тем самым можно сосредоточить внимание на злободневном и креативном ха-

рактере коллективной памяти в форме СП как атрибуте социальной группы. Так как память в процессуальном выражении возникает только при необходимости актуализировать какое-либо содержание исторических событий, ее черты детерминируются такой необходимостью.

Темы социального конструирования в коллективной памяти широко обсуждаются социологами и психологами [12]. Факт реконструкции информации в коллективной памяти под влиянием культурно-исторических факторов подтверждают данные эмпирических исследований [15]. По словам Г.М. Андреевой, «человек не просто “получает” социальную информацию, “перерабатывает” ее, но и “творит” мир» [1, с. 138]. Понятие СП способно объяснить процессы, происходящие с информацией в этом случае: “якорение” (закрепление СП в обыденном сознании группы), “персонализация” (ассоциирование объекта с значимыми личностями), образование “фигуративной схемы” (визуально репрезентируемой ментальной конструкции) и “натурализация” (оперирование в обыденном сознании элементами представления). Необходимость справляться с неопределенностью настоящего провоцирует конструирование социального представления. СП становится результатом коллективного коопинга группы (об этом см. подробнее [2, 16]). Сформированное таким образом СП об историческом событии обладает мощным эмоциональным зарядом, который содержится в его установочном компоненте и может способствовать укреплению групповой идентичности.

Это свойство коллективной памяти очевидно всего проявляется в процессах воспоминания, озвучивания и забывания, всегда детерминированных групповыми интересами. В терминах СП можно сказать, что воспоминание определяется с одной стороны, существующим у группы социальным представлением об историческом событии, а с другой – совокупностью социальных представлений о текущей политической, экономической, психологической и т.д. ситуации в обществе. Следовательно, воспоминание – это момент столкновения, даже конфликта, когда одна социальная мифология встречается с другой и возникает возможность изменения СП. Этот момент динамики очень важен для понимания культурных трансформаций, психологические механизмы которых имеют традицию изучения в отечественной психологии Выготским и Лурией (исследование в Узбекистане), во французской – Хальбваксом (как передача опыта от дедов внукам), в британской – Бартлеттом (с помощью метода серийного воспроизведения текста) [5, 11].

В современной отечественной психологии динамика общественного сознания, культурные трансформации на ментальном уровне стали пер-

спективным направлением исследований [3, 4]. В данном исследовании (см. также [6, 7]) мы исходили из предположения, что коллективная память существует в форме социальных представлений об исторических событиях. Именно СП обладают способностью к реконструированию социальной информации, являются логичными в контексте групповой жизни объяснениями исторических событий, поддерживают групповую идентичность, выступают механизмом коллективного коупинга по отношению к конфликтным и травмирующим моментам жизни групп.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Наше исследование состояло из двух частей¹. Первая посвящена изучению кросскультурных аспектов СП о войне, а именно выявлению сходств и различий в СП у людей старшего поколения: русских во Франции (русские эмигранты первой волны) и граждан России того же поколения. Во второй части рассматривались сходства и различия в СП о войне у разных поколений россиян: старшего (“дедов”) и юного (“внуков”).

Вторая мировая война – событие всемирного значения, имеющее огромную важность и для российской истории. Память о Великой Отечественной войне, сформированная мемуарами очевидцев и современников, многочисленными произведениями литературы и искусства, дискурсом, работой масс-медиа, стала предметом нашего исследования. Начиная со второй половины 80-х гг. в российском обществе не угасает полемика об общественных и нравственных аспектах этой войны, о роли руководителей страны и армии в тот период. В частности, горячо обсуждаются вопросы: о неоправданно больших потерях солдат и младших офицеров Советской армии, о некомпетентности военного руководства в начальный период войны, приведшей к массовой гибели людей; о жестоких приказах командования армии (например, “Ни шагу назад”), за неисполнение которых солдат и офицеров расстреливали как дезертиров; об отношении к бывшим военнопленным, вернувшимся на родину (как известно, они подвергались репрессиям). Неоднозначны мнения о значении Сталина: одни приписывали ему ключевую роль в победе, другие обвиняли его во всех неудачах и потерях в войне. Эти проблемы не перестают будоражить российское общество и сегодня, порождая разговоры, дискуссии, публикации в прессе. Но, несмотря ни на что, люди са-

мых разных убеждений до сих пор считают День Победы величайшим национальным праздником. Таким образом, СП о войне можно считать стабильным результатом коллективного дискурса. СП являются атрибутом социальных групп, они объективированы, “заякорены” и аффективно заряжены.

I. Кросскультурные различия в социальных представлениях о войне

Выборка. Первая часть исследования проводилась в России и во Франции на группах людей старшего возраста, бывших непосредственными очевидцами войны. Во Франции нашими респондентами были русские эмигранты первой волны (46 чел. в возрасте 75–85 лет), эмигрировавшие во Францию в 20-х гг. с родителями, будучи маленькими детьми, и постоянно проживающие в Париже. Они принадлежат преимущественно к интеллигенции (по сословному происхождению некоторые из дворян). Образование получили во Франции. По роду деятельности среди них представители самых разных профессий и занятий: инженер, научный работник, финансист, чиновник, дизайнер и др. Во время Отечественной войны все они находились во Франции. Российскую выборку составили 62 чел. разных профессий в возрасте 75–80 лет – участники и очевидцы войны, постоянно проживающие в Твери. В тот период одни из них в составе Красной армии участвовали в военных действиях, другие работали в тылу. Выборка была выравнена по гендерному признаку.

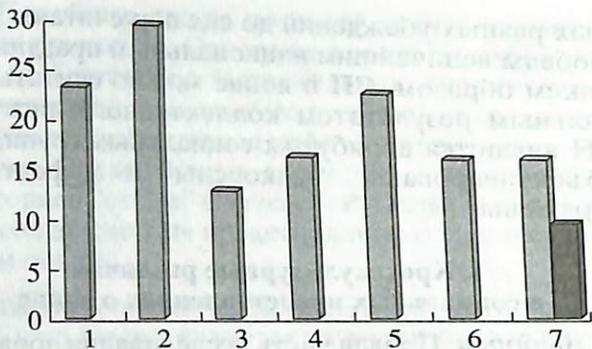
В качестве основного *метода* исследования использовалось неструктурированное интервью, содержащее темы, касающиеся событий начала войны на территории Советского Союза: вторжение гитлеровской армии, отступление Красной армии в 1941 г., перелом в ходе военных действий, значимые события в ходе войны. Тексты интервью были подвергнуты контент-анализу, а затем сравнивались по группам.

Результаты контент-анализа (процентные доли высказываний) обрабатывались при помощи углового преобразования Фишера, позволившего сопоставить две выборки по распределению признака.

Результаты. Французские респонденты вспоминают горячие споры в среде эмиграции о нападении Германии на СССР (29%). 69.3% говорят о том, что это нападение должно было освободить Россию от коммунизма, и лишь 19.8% респондентов выражали сожаление по поводу неудач СССР в начале войны. Все опрошенные россияне относятся к факту нападения Германии как к национальной трагедии.

Тема условий жизни в СССР перед войной активно обсуждалась в основном российскими респон-

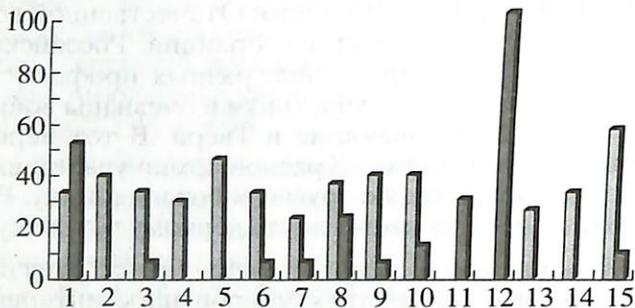
¹ Выражаю благодарность Л.Ю. Суховеевой за помощь в обработке и анализе данных в ходе написания ею под моим научным руководством дипломной работы “Исследование особенностей коллективной памяти в различных социально-культурных группах” (Тверской госуниверситет, 2000).

Ряд 1	23.1	29.7	13.2	16.5	23.1	16.5	16.5
Ряд 2							9.9

Рис. 1. Гистограмма соотношения частоты высказываний (в процентах по вертикали), характеризующих экономическое положение СССР накануне войны у российских (ряд 1) и французских (ряд 2) очевидцев Второй мировой войны.

1 – улучшение жизни, 2 – развитие промышленности, 3 – развитие строительства, 4 – развитие сельского хозяйства, 5 – другие положительные стороны жизни перед войной, 6 – нейтральная (острожная) оценка жизни до войны, 7 – плохая жизнь накануне войны.

Ряд 1	33	40	33	30	46	33	23	36	40	40			26	33	56
Ряд 2	53	7	7	7	7	7	23	7	13	30	100				10

Рис. 2. Гистограмма соотношения частоты некоторых высказываний (в процентах по вертикали) российских (ряд 1) и французских (ряд 2) очевидцев Второй мировой войны о причинах отступления Советской армии в первые месяцы Отечественной войны.

1 – неготовность армии и народа к войне, 2 – нехватка новой техники, 3 – плохое техническое оснащение армии, 4 – нехватка времени для подготовки нового вооружения, 5 – у Советской армии не было опыта ведения военных действий, 6 – отсутствие подготовленных командиров всех звеньев, 7 – репрессии военных всех звеньев, 8 – расстрел маршалов, 9 – у немцев был опыт ведения военных действий, 10 – у немцев техника была лучше, 11 – просчеты высшего командования, 12 – русские думали, что их пришли освободить от коммунизма, поэтому они сдавались в плен, 13 – большие потери, 14 – долгое восстановление от первых внезапных ударов, 15 – внезапность вторжения.

уровня жизни (5). Между тем и российские, и французские респонденты отмечают бедность населения (7).

При обсуждении причин отступления Советской армии в первые месяцы войны (см. рис. 2) и российские, и французские респонденты статистически равнозначны (при $p > 0.05$) называют неготовность к ней армии и народа (1). Между тем трактовка других указываемых причин различается. Так, репрессиям военных всех рангов большее значение придают российские ветераны, чем представители французской выборки (7): различия значимы при $p < 0.05$. Признание преимущества германской техники перед советской также значимо (при $p < 0.01$) различается в двух выборках (10). Опыт ведения военных действий немецкой армии считается причиной первоначальных неудач СССР и различается у россиян и французсов на том же уровне значимости. На внезапность нападения как причину отступления российские респонденты также указывают статистически чаще (15). В целом, анализ причин отступлений содержится в 31.6% высказываний российских респондентов и только в 13.0% французских. У россиян наблюдается большее разнообразие и большая детализация в суждениях об этих причинах. По-видимому, данное поминание, будучи эмоционально окрашенным, занимает более значительное место в их сознании, чем у французсов.

Интересны расхождения во мнениях о том, почему солдаты Советской армии попадали в немецкий плен. Все французские респонденты убеждены в одном: русские, думая, что немцы пришли освободить их от коммунизма, сдавались в плен; между тем никто из русских так не считает (12). Российские респонденты утверждают, что солдаты очень редко сами сдавались в плен и попадали к врагу, либо оказавшись в плен и попадая (19.8%), либо по беспечности (9.9%).

Таким образом, россияне, интерпретируя неудачи первых месяцев войны, которые для них являются травмирующими, указывают в основном на объективные обстоятельства, пытаются сохранить позитивную групповую идентичность. В то же время французы отмечают, что объяснение следует искать в субъективных причинах; они активно приписывают русским желание освободиться от коммунизма, чего российские ветераны не подтверждают.

Различными оказались и высказывания о политическом режиме в СССР в начале войны. Французы сравнивают советский режим с гитлеровским (8), а их российские сверстники такое сравнение воспринимают как немыслимое и даже оскорбительное (см. рис. 3). Российские респонденты считают, что политическая система СССР того времени позволяла мобилизовать народные

пондентами. На рис. 1 можно видеть, что у них преобладает позитивная картина интерпретаций предвоенной жизни: развитие промышленности (пункт 2), сельского хозяйства (4), повышение

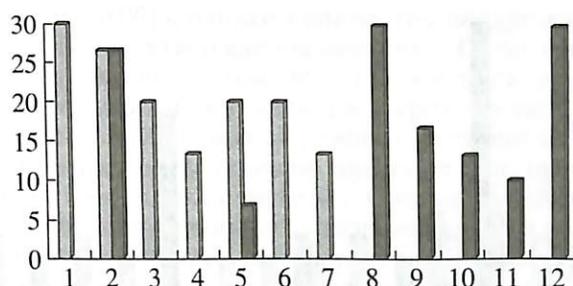
силы для отпора врагу (1). При этом они признают, что жесткая “вертикаль” власти, существовавшая в СССР, приводила руководство к очень опасным ошибкам (3). На рис. 3 можно видеть, как травмирующее для россиян воспоминание о тоталитарной системе в сформировавшемся со временем культурном паттерне сглаживается. В то же время французы, субъективно отстраняясь от этой ситуации, утрируют ее негативные черты.

Воспоминания о роли личности Сталина (рис. 4) у представителей двух культур также структурированы по-разному. Если российские респонденты находят позитивные моменты в политике Сталина (“он сумел организовать отпор фашистам” (6), “за него сражались” (7), “народ ему верил” и т.п.), то французы, хотя и с меньшей частотой, согласны с россиянами лишь в пункте 6. Доли упоминаний о репрессиях (8) значительно различаются в пользу французской выборки. При этом французы рассказывают о репрессиях репатриантов из западных стран, вернувшихся в СССР после войны (13); россияне же по данному поводу не приводят своих высказываний. Россияне также не упоминают, в отличие от французов, болезненной подозрительности Сталина (5), в меньшей степени говорят о его жестокости (4).

В воспоминаниях о значимых событиях Второй мировой войны (рис. 5) и россияне, и французы равным образом называют битву под Москвой и блокаду Ленинграда. Знание о битве под Сталинградом французские респонденты демонстрируют статистически чаще (2). Кроме того, они помнят приход союзных войск во Францию, освобождение ее американцами, победу в северной Африке, большую роль в войне США и высадку союзников (9–13), чего не упоминают россияне. В свою очередь российские респонденты помнят взятие Берлина, Курскую битву, освобождение восточноевропейских стран и партизанское движение (1, 4, 7, 8), о которых не говорят французы.

Обсуждение. Различия в структуре двух паттернов (российского и французского), а именно – более яркие воспоминания соответственно о вкладе СССР или западных стран, аналогичны известному эффекту эгоцентрического смещения (egocentric bias) в автобиографической памяти. По-видимому, так же как и в индивидуальной Я-концепции, образ “своей” культурной группы постоянно нуждается в подкреплении.

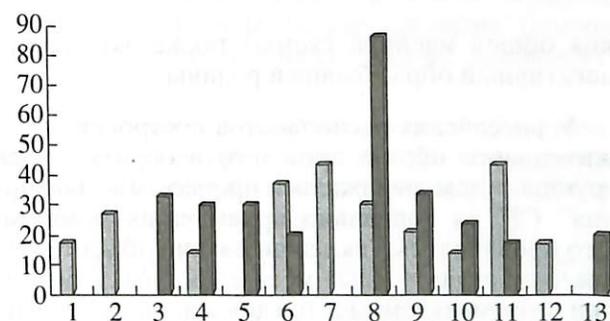
Таким образом, в структуре воспоминаний обнаруживается значительно больше расхождений, чем сходства. Основные аспекты различий изучаемых нами культурных паттернов касаются моментов, ключевых для образа “своей” культурной группы. У французов это споры о том, являлась ли война благом или трагедией для СССР, что отражает амбивалентное отношение эмигрантов к

Ряд 1	30	26	20	13	20	20	13					
Ряд 2		26			6.6			30	17	13	9.9	30

Рис. 3. Гистограмма соотношения частоты высказываний (в процентах по вертикали) российских (ряд 1) и французских (ряд 2) очевидцев Второй мировой войны о политической системе СССР того времени.

1 – позволила мобилизовать силы, 2 – ничего не знаю о ней, 3 – жесткая “вертикаль” власти, где опасны ошибки руководства, 4 – была неподконтрольна, 5 – “верхушка” пользовалась неофициальными льготами, 6 – неопределенная оценка, 7 – поощрение системы доносов, 8 – сравнение фашизма с коммунизмом, 9 – трудно с чем-то сравнить, 10 – гнет для русских, 11 – комиссары стояли за спинами сражавшихся, 12 – в целом негативное отношение.

Ряд 1	17	26		13		36	43	30	20	13	43	17	
Ряд 2			33	30	30	20		86	33	23	17		20

Рис. 4. Гистограмма соотношения частоты некоторых высказываний (в процентах по вертикали) российских (ряд 1) и французских (ряд 2) очевидцев Второй мировой войны о личности Сталина.

1 – не интересовался, что это за человек, 2 – нейтральная (осторожная) оценка, 3 – отрицательное отношение, 4 – жестокость, 5 – подозрительность, вплоть до психического отклонения, 6 – сумел организовать отпор фашистам, 7 – за него сражались, с его именем погибали, 8 – с его именем связаны репрессии, 9 – репрессии военных, “обезглавливание” армии, 10 – ошибки в начале войны, 11 – много невинно пострадавших людей, 12 – нет оправдания репрессиям, 13 – репрессии возвратившихся в СССР эмигрантов.

их бывшей родине. Сравнение советского политического режима с гитлеровским, утверждения о намеренной сдаче в фашистский плен русских солдат (элемент, вымышленный для подкрепле-

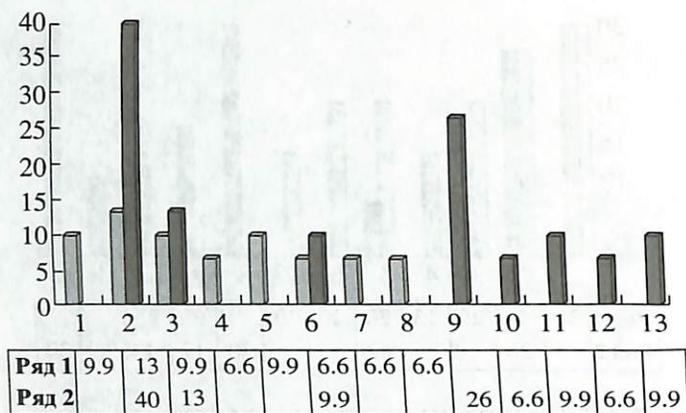

Рис. 5. Гистограмма соотношения частоты высказываний (в процентах по вертикали) российских (ряд 1) и французских (ряд 2) очевидцев Второй мировой войны о ее значимых событиях.

1 – взятие Берлина, 2 – битва под Сталинградом, 3 – блокада Ленинграда, 4 – Курская битва, 5 – оборона Брестской крепости, 6 – битва под Москвой, 7 – вступление СССР в европейские страны, 8 – партизанское движение, 9 – большая роль США в войне, 10 – приход советских войск во Францию, 11 – освобождение Франции американцами, 12 – победа в северной Африке, 13 – высадка десанта в Нормандии.

ния общей идейной схемы) также акцентирует негативный образ бывшей родины.

У российских респондентов построение положительного образа прошлого и образа “своей” группы в нем выражалось процессами “заякорения” СП на социально приемлемых моментах. Это проявлялось в акцентировании объективных причин неудач первых месяцев войны, утративании позитивных моментов довоенной жизни и политики Сталина. Игнорирование травмирующих моментов: крупных просчетов руководства, неготовности страны и армии к войне, гигантских человеческих потерь в боевых действиях и др., позволяет справиться с негативной информацией, “облагородить” прошлое. Такой коллективный коупинг происходит в нашем случае благодаря устранению нежелательной информации из структуры СП. Согласно Хальбваксу, именно прошлое дает образцы героики и отваги, тем более что исследуемая группа идентифицирует себя с военным прошлым. Эмоциональный заряд этих позитивных воспоминаний настолько силен, что они становятся основой психологического единства российской культуры.

Тем самым обнаруженные нами в структуре воспоминаний расхождения по ключевым аспектам позволяют говорить о сравниваемых группах, как имеющих, несмотря на общую национальную основу, настолько существенные эмические (в терминах Триандиса) компоненты субъективной культуры воспоминаний, выраженной СП, что

могут рассматриваться как представители разных культур.

II. Различия в социальных представлениях о войне у представителей разных поколений

Целью данного исследования является сравнение социальных представлений о начале Великой Отечественной войны в двух возрастных группах российского общества.

Выборка. Респондентами данной части исследования были граждане России, представители двух возрастных групп: в возрасте 70–80 лет – современники или непосредственные участники боевых действий 1941–1945 гг. (62 чел.²) и студенты университета в возрасте 18–25 лет (124 чел.). Мужчины и женщины в обеих группах представлены в равных долях.

Метод. Использовалось полуструктурированное интервью на тему начала войны и хода военных действий на территории СССР в первые месяцы войны. В ходе интервью респондентами были затронуты темы, касающиеся экономической и политической ситуации в стране, ее внешней политики накануне войны, готовности Советской армии к ведению боевых действий, вторжения гитлеровских войск в СССР, причин и последствий военных неудач СССР в первые месяцы войны, роли Сталина как главнокомандующего и др. На основе контент-анализа результатов интервью (с российскими и французскими респондентами) и анализа исторической литературы был составлен опросник. Он содержал 10 суждений с вариантами ответов, выражавших полное или частичное согласие, полное или частичное несогласие и невозможность судить. Ответы на вопросы были подвергнуты кластерному анализу. Для выявления различий между группами в ответах на вопросы использовался метод углового преобразования Фишера.

Результаты. С точки зрения 50.8% студентов и 50.0% ветеранов “СССР терпел поражение в первые дни войны, так как Советская армия была плохо оснащена военной техникой”. При этом поддерживавших данное утверждение студентов статистически было не больше, чем ветеранов. Частично согласны с этим высказыванием 39.5% студентов и 40.4% ветеранов (статистическое различие не значимо), а не согласны – 9.7% студентов и 9.6% ветеранов (доли статистически равны).

38.5% студентов согласны с утверждением “Внешняя политика западных стран способствовала успехам Гитлера в начале войны”, что значимо не отличается от показателя ветеранов

² К проведению первой и второй частей нашего эмпирического исследования было привлечено одинаковое количество разных российских респондентов старшей возрастной группы.

(39.6%). Частично согласны 52.5% студентов и 52.8% ветеранов (различия статистически не значимы). 9.0% студентов и 7.6% участников войны не согласны с данным утверждением (доли статистически не различаются).

Таким образом, и студенты, и ветераны выразили единодушие, называя следующие причины поражения СССР в первые месяцы Отечественной войны: плохое оснащение Советской армии и внешняя политика западных стран, которая способствовала успехам Гитлера в начале войны. Скорее всего, это связано с тем, что указанные причины, во-первых, широко обсуждались в средствах массовой информации, а во-вторых, апеллировали к “объективным” обстоятельствам при объяснении военных неудач. Данная версия, не травмирующая коллективного сознания, удовлетворяет оба поколения.

С утверждением “Русские солдаты охотно сдавались в плен лишь бы покинуть Советскую Россию” не согласны 93.5% студентов и 94.4% ветеранов. Отвергающих это утверждение студентов не больше, чем ветеранов. Частично согласных студентов – 6.5%, ветеранов – 5.6% (доли статистически равны). В обоих выборах полностью согласных нет.

С утверждением “Из-за плохих условий жизни русские солдаты сдавались в плен” полностью согласившихся нет ни среди ветеранов, ни среди студентов. 8.1% студентов и 1.9% ветеранов ответили, что частично согласны с этим утверждением. При этом студентов, давших подобный ответ, больше, чем ветеранов, на 6.2% ($p \leq 0.033$). 91.9% студентов и 98.1% участников войны отметили, что не согласны с ним. Таким образом, обе группы решительно отвергли идею о том, что русские солдаты умышленно сдавались в плен в первые месяцы войны. Обнаруженные нами значимые различия среди студентов, частично согласных с данным утверждением, могут свидетельствовать о распространенной в российском обществе последнего десятилетия острой критике сталинского режима, которая привела часть молодежи к мысли о том, что население СССР уже в годы войны критически относилось к режиму, но это, как видно из данных исследования, не подтверждается ветеранами.

Согласно полученным результатам, 9.7% студентов и 1.9% ветеранов частично согласны с утверждением “Значительная часть населения СССР думала, что фашисты пришли освободить ее от большевизма, и вначале не оказывала им сопротивления”. При этом таких студентов больше, чем ветеранов, на 7.8% ($p \leq 0.014$). Не согласных с этим утверждением ветеранов на 8.6% больше, чем студентов (98.1 и 89.5%); $p \leq 0.001$. Таким образом, студенты чаще согласны (полностью и частично) с этим утверждением, чем ветераны

($p \leq 0.001$), однако количество поддерживающих данное утверждение невелико. Скорее всего, это связано с тем, что в последнее время наблюдалась явная тенденция к критике существовавшего в годы войны режима, которая могла привести к преувеличению значения сил, противоборствовавших сталинизму. Однако такой точки зрения придерживается лишь небольшая часть молодежи, старшее же поколение продолжает считать, что население в целом поддерживало режим. Об этом говорит тот факт, что полностью согласных с этим утверждением ветеранов нет, а доля студентов составляет 0.8% (разница статистически не значима).

29% студентов и 19% ветеранов полностью согласны с утверждением “Пакт Молотова–Риббентропа привел к внешнеполитической изоляции СССР от западных держав” (доли значимо не отличаются). 61.7% студентов и 44.0% ветеранов лишь частично согласны с этим утверждением. Между тем ответивших так на данный вопрос студентов на 17.7% больше, чем участников войны, причем данная разница статистически значима ($p \leq 0.018$). 13.1% студентов и 28.0% ветеранов выразили свое несогласие. Их процентные доли статистически не различаются. Таким образом, ветераны и студенты скорее согласны (полностью и частично), чем не согласны с данным утверждением.

У студентов и ветеранов имелись существенные разногласия при выделении причин поражения России в первые месяцы Отечественной войны в следующих утверждениях:

С точки зрения 23.4% студентов и 7.4% ветеранов “Россия терпела поражение в первые дни войны, так как Сталин оказался бездарным главнокомандующим”. Согласных с этим утверждением студентов на 16% больше ($p \leq 0.001$). Частично согласны 44.4% студентов и 22.2% ветеранов; в данном случае студентов больше на 22.2% ($p \leq 0.001$). Не согласных с этим утверждением ветеранов на 38.2% больше, чем студентов (70.4 и 32.2%); $p \leq 0.001$. То есть можно видеть, что студенты, скорее, согласны (полностью и частично) с этим утверждением, а ветераны, скорее, не согласны с ним; $p \leq 0.001$. Следовательно, старшее поколение не поддерживает идею о негативной роли Сталина в отступлении Советской армии первых месяцев войны. По-видимому, образ Сталина-вождя неразрывно связан в их СП с чувствами патриотизма и национальной гордости, которые были воспитаны у них с детства.

“Советская армия была “обезглавлена” сталинскими репрессиями”: 29.8% студентов и 35.2% ветеранов ответили, что полностью согласны с этим утверждением. Доля ветеранов, давших подобный ответ, статистически не больше, чем в группе студентов. 61.3% студентов и 31.5% участ-

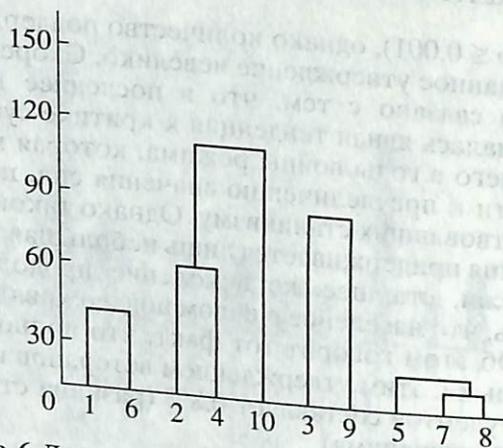

Рис. 6. Дендрограмма группы ветеранов (по вертикали указано расстояние между кластерами).

1 – Советская армия была “обезглавлена” сталинскими репрессиями, 2 – Сталин оказался бездарным главнокомандующим, 3 – советское руководство не было психологически готово к нападению Германии, 4 – Советская армия была плохо оснащена военной техникой, 5 – русские охотно сдавались в плен лишь бы покинуть Советскую Россию, 6 – такие слабые военачальники, как Ворошилов и Тимошенко, стали причиной отступлений, 7 – из-за плохих условий жизни в Советской России русские солдаты сдавались в плен, 8 – значительная часть населения России думала, что немцы пришли освободить ее от большевизма, и вначале не оказывала им сопротивление, 9 – внешняя политика западных стран способствовала успехам Гитлера в начале войны, 10 – пакт Молотова-Риббентропа привел к внешнеполитической изоляции СССР от западных держав.

ников войны отметили, что согласны с утверждением только частично. Таких студентов оказалось на 29.8% больше ($p \leq 0.001$). 8.9% студентов и 33.3% ветеранов выразили несогласие с данным утверждением, при этом ветеранов на 24.4% больше ($p \leq 0.001$). То есть как студенты, так и ветераны скорее согласны (полностью и частично) с этим утверждением, чем не согласны; согласных студентов на 24.4% больше, чем ветеранов ($p \leq 0.001$). Отсюда следует, что даже среди ветеранов преобладает полное или частичное согласие с утверждением по поводу репрессий как причин неудач в военных действиях начала войны: полностью согласны 35%, частично – 32% и не согласны – 33% ветеранов. По-видимому, признание большей частью ветеранов негативной роли репрессий можно считать достижением политики “оттепели” конца 50-х–начала 60-х гг. и гласности последних лет.

С утверждением “Советское руководство не было психологически готово к нападению Германии” полностью согласились 34.4% студентов и 74.1% ветеранов. Доля ответов ветеранов больше, чем студентов, на 39.7% ($p \leq 0.001$). 37.7% студентов и 22.2% участников войны отметили, что согласны с ним только частично, при этом первых было на 15.5% больше ($p \leq 0.018$). 27% студентов и 3.7% ветеранов отвергли данное утверждение;

несогласных студентов оказалось на 24.2% больше ($p \leq 0.001$). То есть ветераны скорее согласны (полностью и частично) с таким утверждением, чем студенты ($p \leq 0.001$). Ответы участников войны можно объяснить тем, что неожиданность нападения фашистской Германии была одной из официальных версий отступления советских войск в начале войны. Однако после обнаружения переданных в Москву до начала войны многочисленных разведывательных данных о готовящемся нападении мнения разделились. Так молодое поколение в большинстве своем считает, что руководство страны знало о готовящемся нападении и было психологически готово к нему. Однако для людей, переживших вторжение, оно по их воспоминаниям, действительно могло быть полной неожиданностью. Это эмоциональное ощущение “шока”, “вероломства”, поддержанное в свое время официальной пропагандой, они приписывали и продолжают приписывать также руководству страны. Кроме того, поскольку старшее поколение являлось непосредственным участником событий, наличие такой внешней и объективной причины, как “внезапность нападения”, смягчает тяжесть травмирующего переживания неудач СССР в начале войны.

По результатам исследования СП о роли отдельных военачальников в событиях начала войны с утверждением “Такие слабые военачальники, как Ворошилов и Тимошенко, стали причиной отступления” согласны 10.5% студентов и 28.3% ветеранов, которых больше, чем студентов, на 17.8%, что является статистически значимой разницей ($p \leq 0.001$). Частично согласны с этим утверждением 35.8% студентов и 34.0% ветеранов (статистическое различие между долями не значимо). Не согласны с ним 53.7% студентов и 37.7% ветеранов; их доли статистически не равны ($p \leq 0.024$). Таким образом, ветераны, скорее, согласны с этим утверждением, студенты же, скорее, склонны не соглашаться с ним. По-видимому, это связано с тем, что названным военачальникам в начале войны была официально поставлена в вину неподготовленность России к ведению военных действий. Они даже были отстранены от командования. Возможно, это и нашло отражение в памяти ветеранов. Однако и среди них нет единого мнения: полностью согласны 28.9%, частично – 34% и не согласны 37.7%. Для студентов личная ответственность Ворошилова и Тимошенко за поражения в начале войны, возможно, не является решающей. Вероятно, они оценивают эту ситуацию в целом как неблагоприятную для армии.

Результаты кластерного анализа позволяют сгруппировать суждения о причинах отступления Советской армии в начале войны по двум изучаемым выборкам. В группе ветеранов выделены четыре кластера (рис. 6).

1. **Внутренняя политика сталинского руководства накануне войны.** Этот кластер объединяет утверждения: “Советская армия была “обезглавлена” сталинскими репрессиями” и “Такие слабые военачальники, как Ворошилов и Тимошенко, стали причиной отступления”.

2. **Отрицание возможности добровольной сдачи в плен советских людей.** В него вошли утверждения: “Русские охотно сдавались в плен лишь бы покинуть Советскую Россию”, “Из-за плохих условий жизни русские сдавались в плен” и “Значительная часть населения Советской России думала, что немцы пришли освободить их от большевизма, и вначале не оказывала им сопротивления”. Все они отрицаются респондентами.

3. **Внешняя политика СССР накануне войны.** Объединяет утверждения “Советское руководство не было психологически готово к нападению Германии” и “Внешняя политика западных стран способствовала успехам Гитлера в начале войны”.

4. **Ошибки Сталина как руководителя страны.** Состоит из следующих утверждений: “Сталин оказался бездарным главнокомандующим”, “Советская армия была плохо оснащена военной техникой”, “Пакт Молотова–Риббентропа привел к внешнеполитической изоляции СССР от западных держав”.

В группе студентов также выделены четыре кластера (рис. 7).

1. **Внутренняя и внешняя политика сталинского руководства накануне войны.** В нем объединяются следующие утверждения: “Советская армия была “обезглавлена” сталинскими репрессиями”, “Внешняя политика западных стран способствовала успехам Гитлера в начале войны” и “Пакт Молотова–Риббентропа привел к внешнеполитической изоляции СССР от западных держав”.

2. **Отрицание возможности добровольной сдачи в плен советских людей.** В этот кластер входят утверждения: “Русские охотно сдавались в плен лишь бы покинуть Советскую Россию”, “Из-за плохих условий жизни русские сдавались в плен” и “Значительная часть населения Советской России думала, что немцы пришли освободить их от большевизма, и вначале не оказывала им сопротивления”. Все они отрицаются респондентами.

3. **Степень готовности страны к началу войны.** Состоит из утверждений: “Советское руководство не было психологически готово к нападению Германии”, “Советская армия была плохо оснащена военной техникой” (первая причина отрицается, вторая – поддерживается).

4. **Ошибки советского командования.** В нем группируются утверждения: “Сталин оказался бездарным главнокомандующим” и “Такие сла-

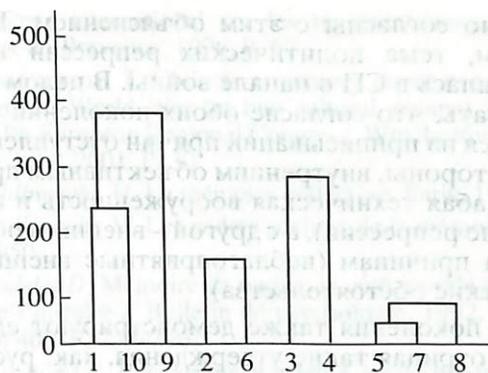

Рис. 7. Дендрограмма группы студентов (по вертикали указано расстояние между кластерами).

1 – Советская армия была “обезглавлена” сталинскими репрессиями, 2 – Сталин оказался бездарным главнокомандующим, 3 – советское руководство не было психологически готово к нападению Германии, 4 – Советская армия была плохо оснащена военной техникой, 5 – русские охотно сдавались в плен лишь бы покинуть Советскую Россию, 6 – такие слабые военачальники, как Ворошилов и Тимошенко, стали причиной отступлений, 7 – из-за плохих условий жизни в Советской России русские солдаты сдавались в плен, 8 – значительная часть населения России думала, что немцы пришли освободить ее от большевизма, и вначале не оказывала им сопротивление, 9 – внешняя политика западных стран способствовала успехам Гитлера в начале войны, 10 – пакт Молотова–Риббентропа привел к внешнеполитической изоляции СССР от западных держав.

бые военачальники, как Ворошилов и Тимошенко, стали причиной отступления” (первая причина поддерживается, вторая – отрицается).

Обсуждение. Наша попытка сравнить содержание СП о причинах неудач СССР в первые месяцы войны с фашистской Германией в двух возрастных группах позволяет проинтерпретировать полученные результаты. Содержание СП – это связанные логические паттерны объяснений причин, по-разному структурированные у каждого поколения. В суждениях о причинах отступления Советской армии представители поколений “дедов” и “внуков” обнаруживали как согласие, так и несогласие, которые, по-видимому, и представляют собой то, что является содержанием коллективной памяти, выраженной в форме утвердившегося СП. Практически полное согласие выражено по поводу суждений, касающихся полного оснащения Советской армии военной техникой, негативного влияния пакта Молотова–Риббентропа на отношения с западными странами и мнения о том, что их политика в начальный период войны способствовала успехам гитлеровской армии. Что касается темы политических репрессий, то здесь и студенты, и ветераны считают их существенной причиной военных неудач. Хотя доля студентов статистически выше, надо заметить, что 66.7% ветеранов также полностью или

частично согласны с этим объяснением. Таким образом, тема политических репрессий также укоренилась в СП о начале войны. В целом можно сказать, что согласие обоих поколений основывается на приписывании причин отступления, с одной стороны, внутренним объективным причинам (слабая техническая вооруженность и политические репрессии), а с другой – внешним объективным причинам (неблагоприятные внешнеполитические обстоятельства).

Оба поколения также демонстрируют единодушие, отрицая такие утверждения, как: русские солдаты охотно сдавались в плен лишь бы покинуть Советскую Россию; значительная часть населения СССР думала, что фашисты пришли освободить их от большевизма, поэтому вначале не оказывала им сопротивления. Совпадение позиций полного отрицания обоими поколениями возможности непатриотического поведения советских солдат и населения может объясняться специфической функцией СП, поддерживающего коллективную идентичность народа, победившего фашизм. Здесь, на наш взгляд, хорошо просматривается эмоциональная составляющая коллективной памяти. Сохраняются только те СП, которые не противоречат позитивному образу национальной группы и поддерживают чувство гордости за свой народ.

Анализируя расхождения СП о причинах отступления в двух возрастных группах, можно заметить, что они касаются прежде всего оценки роли Сталина (у студентов она преимущественно негативная) и степени неожиданности вторжения Германии для советского руководства (ветераны считают, что оно было внезапным). Это позволяет думать, что старшее поколение по-прежнему продолжает верить в позитивную роль сталинского руководства в войне, в то время как молодежь отказалась от такой оценки. Соглашаясь с утверждением о “внезапности” нападения, старшее поколение оправдывает действия руководства страны, находя “объективные” причины неудач. Расхождения в пункте, приписывающем неудачи, связанные со слабым руководством таких военачальников, как Тимошенко и Ворошилов, вероятно, объясняются существующей у старшего поколения тенденцией верить вымыслам пропаганды того времени и снимать ответственность с высшего руководства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты нашего исследования позволяют воссоздать совокупность СП о начале войны на территории СССР в кросскультурном плане и в ходе сравнения поколений. На наш взгляд, это два важнейших измерения в изучении обыденных знаний о прошлом. Кросскультурное измерение дает возможность уловить социальные и культур-

ные параметры интерпретаций и объяснений исторических событий. В нашем исследовании обнаружилось существенные различия в группах ветеранов, живущих в России, и их ровесников – русских эмигрантов, живущих во Франции. У французских респондентов система интерпретаций имеет амбивалентный характер. Русские эмигранты имплицитно “разводят” две действующие силы исторического процесса – русский народ и советское руководство. Основные пункты критики содержат темы, касающиеся политического руководства, а именно: ошибок высшего командования, личности Сталина, политических репрессий, угнетения народа, неготовности к войне, сравнения советского режима с фашизмом. В то же время русский народ в этой интерпретации предстает жертвой, которую гнали на войну и которая рада была освободиться от сталинского режима с помощью фашизма.

У российских респондентов система интерпретаций этих исторических событий совершенно иная. Народ в ней выступает главной действующей силой борьбы с фашизмом, которая побеждает вопреки неправильным действиям руководства армии и отчасти благодаря вере в вождя. Такие травмирующие обстоятельства, как жестокость военного командования по отношению к солдатам и офицерам, геноцид против собственного народа, черты типологического сходства сталинской политики с политикой Гитлера, у российских респондентов в интерпретациях отсутствуют.

Что касается сравнения поколений, это измерение даст возможность выявить содержание СП, общее для поколений “дедов” и “внуков”, утвердившееся с течением времени и ставшее достоянием современной культуры. Содержание СП – это объяснение причин военных неудач и своего рода “теория” истории: объяснение пронизано духом патриотизма, веры в народную победу, с одной стороны, и отвержением тоталитарной политики сталинского режима, с другой. Выявившиеся различия обнаруживают движение культурного процесса сквозь поколения. Старшее поколение не свободно от политической пропаганды сталинских времен и, вероятно, от патриотических переживаний собственной молодости. В то же время младшее поколение, отринувшее тоталитарное прошлое страны, идентифицирует себя с “дедами”, с народом, победившим фашизм.

Таким образом, мы попытались показать, что СП об исторических событиях могут служить социально-психологическими индикаторами как культурных различий, так и трансформации культуры в масштабе трех поколений. Культурный процесс, понимаемый на социально-психологическом уровне как взаимодействие и борьба существующих СП, как взаимные трансформации обыденных и научных представлений, получает но-

вый психологический смысл. Говоря словами Московичи, “идея социальных представлений является фундаментальной не только в прошлом, но и в будущем для сильной культурной психологии. Она, так сказать, находится в самом центре ее генетического кода” [13. с. 428].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 2000.
2. Емельянова Т.П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психол. журн. 2001. Т. 22. № 6. С. 39–47.
3. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). Смоленск, 1997.
4. Российский менталитет / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М., 1997.
5. Bartlett F. Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge, 1950.
6. Emelyanova T. Les représentations sociales sur des événements historiques: le cas de la Deuxième Guerre Mondiale: Résumé // Résumés de la Troisième conférence internationale sur les représentations sociales. Aix-en-Provence, 1996. P. 67.
7. Emelyanova T. Collective memory about events of the Second World War (in two cultural groups) // IACCP Fifth European Regional Congress. Winchester, UK. July 7–11. 2001. P. 30.
8. Halbwachs M. La mémoire collective. Paris, 1950.
9. Halbwachs M. Les cadres sociaux de la mémoire. Paris, 1950.
10. Jodelet D. Mémoire de masse: le côté morale et affectif de l'histoire // Bulletin de psychologie. 1992. T. XLV. № 405. P. 239–256.
11. Kashima Y. Recovering Bartlett's social psychology of cultural dynamics // European journal of social psychology. 2000. № 30. P. 383–403.
12. Middleton D. Introduction // Collective remembering / Eds. D. Middleton, D. Edwards. L., 1990.
13. Moscovici S. Social consciousness and its history // Culture and psychology. 1998. V. 4. № 3. P. 411–429.
14. Neisser U. Cognitive psychology. N. Y., 1967.
15. Collective memory of political events / Eds. J. Pennebaker, D. Paez, B. Rimé. Mahaw, N.J., 1997.
16. Wagner W., Valencia J., Elejabarrieta F. Relevance, discourse and the “hot” stable core of social representations – A structural analysis of word associations // British journal of social psychology. 1996. V. 35. № 3. P. 331–351.

SOCIAL REPRESENTATION AS A MEAN OF COLLECTIVE MEMORY (ON EXAMPLE OF RECOLLECTIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR)

T. P. Emelyanova

*Cand. sci. (psychology), associate professor, head of the chair of social psychology,
dean of psychological department, Tver State University, Tver*

There are analyzed the traditions of collective memory studying and possibility of its research by means of social representation. The results of research of social representations of the Great Patriotic War are presented in two aspects: cross-cultural (samples of Russian and French Ss) and comparison of generations (veterans and students). Comparative analysis of essences of social representations allows eliciting of everyday interpretations of historical events of the World War II.

Key words: collective memory, social representations, cultural transformations, cross-cultural comparisons, social construction, everyday interpretations.